

Красавина Евгения Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

krasavina.evgenia@gmail.com

Научный руководитель – Ю.Ю.Мариничева, канд. филол. наук

БАНЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПЛОЩАДКА: ЛЮДИ И ДУХИ

Ключевые слова: баня, пространство, коммуникация.

В статье представлен результат анализа нарративов о банной традиции на Русском Севере, записанных в Архангельской области в ходе фольклорных экспедиций СПбГУ 2009–2016 гг. Материалом исследования стали рассказы деревенских жителей о строительстве бани, о «бан-ных правилах» и приметах, а также о бане как о специфической коммуникативной площадке: в ситуации обрядов и повседневных действий.

Krasavina Evgenia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

BATH AS A SPACE OF COMMUNICATION: PEOPLE AND SUPERNATURAL BEINGS

Keywords: bath, space, communication.

The report presents results of the research on the talks and mythological ideas about bath on the Russian North collected in the Arkhangelsk region during the folklore expeditions SPBU 2009–2016. The material is the narratives of the villagers about construction, bath's rules of conduct, superstitious beliefs, moreover, about bath as a specific communicational area amid rituals and daily actions.

Когда в 2016 году фольклорно-антропологическая экспедиция в Лешуконский район Архангельской области прибыла в деревню Белощелье, нам, ее участникам, бросилось в глаза, что большая часть жителей деревни перестраивает свои бани: кто-то строил с нуля, кто-то только ремонтировал, кто-то перебирал каменку. Но все наши информанты охотно отвечали на вопросы о банной традиции. В результате было записано большое количество разных нарративов, включающих как бытовые правила мытья, так и правила общения с духами в бане. Объединив собранные в экспедиции материалы

с предыдущими данными фольклорного архива СПбГУ, мы получили достаточно большой корпус сведений о северно-русской банной традиции.

На основании собранных нарративов мы можем утверждать, что мытье/ пребывание в пространстве бани воспринимается деревенскими жителями одновременно как полезное, необходимое, очистительное, придающее силы, и как опасное, требующее соблюдения определенных правил поведения.

Ср. «А у меня не болели они <дети>. Тьфу-тьфу-тьфу. Я с ними на больничном не бывала. В бане намою, когда сляжет — так я баню натоплю так... В бане намоем дак» (Вера Григорьевна Михеева, 1946, д. Койнас)

«...бывает, и женщину потерять или ребенка потерять. На широкую скамейку его повалят, его трут, лечат, как говорится» (Альбина Павловна Булатова, 1948, д. Белошцелье)

С другой стороны:

«Так вот кто еще, в бане, говорили, баянник какой-то есть. Банник, так у нас по-деревенски все “о, не ходите — там баянник”» (Анна Арсентьевна Прошнина, г.р. 1932, с. Ценогора)

«То ли правда, то ли нет. Не знаю это. Когда-то тараканов морозили, я осталась в бане ночевать <...> И вот я на полку лежу, и мне так тяжело дышать че-то стало. Ну вот. Это во сне. Вот. А потом проснулась-то, дак вот тоже испугалась. И вот потом мне... до утра не спала. Потом маме сказала: «Нет, я не буду ночевать в боле, это, одна в бане» (Анна Арсентьевна Семёнова, г.р. 1954, д. Белошцелье)

Мы видим, что представление о том, что баня полезна из-за ее лечебных свойств, не подлежит сомнению, а с вопросом восприятия бани как опасного места, дело обстоит не так однозначно.

Баня воспринимается как место «иное» по отношению к пространству повседневному. Многие исследователи отмечают, что в традиционных культурах пространство бани может восприниматься как «пограничное» или «переходное» [Зеленин 1991; Иванова 2016; Олсон, Адоньева 2016]. Так, например, А. Г. Бобров, рассматривая историю появления бани на Руси, описывает функцию бани в обрядах инициации и представление о бане, как о «нечистом месте» [Бобров 2004]. Н. А. Криничная пишет, что баня понимается носителями традиции как сакральное пространство, где человек вступает во взаимодействие в «духом бани» [Криничная 1995, с. 6–7]. Представление об опасности бани учитывается местными

жителями и при бытовом мытье в бане, и в ситуациях взаимодействия с метафизическими силами (духом бани, душами покойных).

Взаимодействие с духом бани — банником — состоит в обращении к этому духу, произнесении специальных слов-оберегов. Причем, если при входе в новый дом нужно проситься только первый раз, то в баню необходимо проситься каждый раз. Представление о потенциальной опасности пространства является причиной существования в деревенском сообществе правил и запретов на посещение бани при определенных условиях: нельзя мыться после 12-ти часов ночи или после захода солнца, нельзя оставлять баню пустой в процессе мытья — т. е. в бане всегда должен быть кто-то вплоть до завершения мытья.

«Ну дак тоже после это, солнышко-то зайдёт, так тоже нельзя купаться. В баню тоже нельзя ходить после того.<...> Всё, там боле начинается это, как говорят, дьяволОв.

<В бане?>

Да. После заката солнца уже время, то всяки нечисты силы, говорят дак. Мы моемся поране. <...> Я сам не помню, а мы пошли с мамой в баню. Дома, и я ещё мАла была, не помню. Она говорит, а она тоже с работы поздно пришла, с фермы, она дояркой работала, ну и вот, а мы пошли с ней в баню. Она говорит, я пошла с тобой в баню. Тебя вымыла, да и посадила. А раньше ведь свету не было, электричества, ничё, лампы были дак, не то что лампы, коптилочки одни. Фитилёк. Ну и от, говорит, сама-то моюся, да всё тутотки, а ты сидишь в углу. И говорю: “Мама, кто-то сидит. Глазки светЯт.” Ну и вот. Она говорит, я платье надёрнула, тебя в охапку, и домой. И всё. Вот так. Или мне показалось, или я увидела кого. <...> Дак мы никогда не ходим теперь.» (Нина Григорьевна Максимова, 1953 г. р., с. Ценогора)

«Ну после... в 12 же нельзя. Считается, что банник приходит. Даже некоторые оставляют воду баннику, типа “помойся”. <...> Просто в таз налить и всё. Можно мыло рядом положить и ковшичек.» (Марина Андреевна Сидорова, 2000 г.р., д. Белошцелье)

«Тоже баню топишь, так будто там баянник есть. Старые раньше бани какие были — каменница. Придешь, откровешь, будто тут сидит баянник. Клубочки. И быстро — открывай вторую. Укатится куда-то. <...> Пошли баню — что не выходите. Что домывайся, чтобы другой заходил. А то больше уйдешь. Одна ушла, другая — так не положено. <...> Вот чтобы из баньки никто не выходил. Чтобы та женщина домывается, а вы заступайте. Чтобы не закрывали баню. Чтобы опять зашли.

<А почему это так?>

Будто модовойко вот тот клубок будто баянник какой ли бы...»
(Раиса Ивановна Максимова, 1935, д. Олема)

«В баню заходишь когда тоже, как в баню зайдёшь, и сразу говоришь, вы крещёны тоже?»

<Да, да, крещёны.>

Святой мощны, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. Аминь. Баянка, пусти. В конце. Святой мощны, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. Аминь. <...> 3, 3 раза, да, 3 раза сказать. <...> Опять, на улицу-то тоже выходишь, так тоже. Хранители, <нрзб> как выйдешь так только, ангелы-хранители, вы все со мной, вы все за мной. Вы спереди, я в середине, а вы сзади. Ангелы-хранители. Вот тоже до 3 раз нужно сказать.» (Анна Ивановна Бурдуева, г.р. 1927, д. Мелогора)

«Пограничное» положение бани между мирами открывает возможность взаимодействия с метафизическими силами, в следствие чего «специалисты» могут совершать разные ритуальные действия: лечение, окказиональные обряды. Баня как особое пространство подходит и для обрядов инициации. В рамках свадебного обряда исполняется несколько «банных» ритуалов: в бане происходит расплетание/переплетение косы невесте, мытье тещи/свекрови и «первая баня» новобрачных.

Каждый из этих обрядов направлен на изменение статуса действующих лиц. Девушка из статуса «девки» переходит в невесту. Символ девичества — коса — расплетается ее подругами. Тёщу/свекровь тащат в баню, где ее вымазывают в саже и символически парят. В нашем архиве есть несколько описаний этого обряда из разных деревень, но общий смысл обозначения смены статуса старшей женщины один и тот же [Хотина 2014, с. 270]. Что касается бани для молодых, то это тоже ситуация изменения социального статуса.

«Тогда такой шутейный ритуал свадебный. Да. Потом ещё на второй-то день уже женихову-ту мать, ну как, свекровь, уже, получается, невесты-то свекровь, таскают в баню. <...> Что помыться, чтоб свекровь должна помыться. Уже невеста должна свекрову, как говорится, помыть, одеть, за стол привести после бани и угощать. <...> В холодной бане нахвошутся, и потом: “У-у-у напарились, тещу напарили”, — тащат её. Умывают её. Вот должна молодлица уже и полотенце ей подать, и всё, и халат, и всё, и умыть, и платок связать, и всё — свекрову намыла.» (Альбина Павловна Булатова, 1948 г. р., д. Белощелье)

«А так невесту перед свадьбой в баню водили. <...> Ну, мне пять лет было, а моей сестре Наталье — двадцать лет. И вот она выходила в за-

муж. <...> Родственница. Это крёстная считается, как вторая мать. <...> Значит, расплетает косу. Натальку готовят в баню. Ну вот. Увели Натальку в баню.» (Елена Павловна Красавина, 1927 г. р., с. Койнас)

На Русском Севере была широко распространена традиция родов в бане. Помимо того, что баня с практической точки зрения очень удобное место (там тепло и есть теплая вода), но оно еще скрыто от чужих глаз и удалено от жилища. Баня подходит для родов именно потому, что роды считаются в большинстве традиций «нечистыми» [Ван Геннеп, 1995, с. 43–45].

«Мы запомнили хорошо её <повитуху>, как она ходила там. Что-то женщина, вот у меня у брата жена замоталась тоже. “Сходите скорее за бабкой, за Антипиной!” — мы сбегали, бабушку Антипину позвали. “Баня-то топится? — Топится!” И в баню. Там уж и роды примет и женщину... — все, выходит. <...> В основном в бане. <...> Получится, застанет дома, так и дома примет. Но так обычно всегда: “Затопите баню!”» (Альбина Павловна Булатова, 1948 г. р., д. Белощелье)

Лечение в бане представляет собой символические действия, сопровождающие мытье. Например «загрызание» грыжи у ребенка происходит в бане после того, как ребенка напарят веничком. Над водой в бане произнесут заговоры, а потом ею омывают больного.

«В бане мыла и загрызала.<...> Это, в бане-то мою, можно эту <грыжу> загрызати.» (Анна Ивановна Бурдуева, 1927 г. р., д. Мелогора)

«Может про себя-то что-то подумают... и отразится на него, и он будет всю ночь плакать! Реветь! Вот и бу... вот и подумаешь, что та тётенька была, да что-то вот... Неладное.<...>В таких случаях вот... были... старушки, знахарки. Созовут<?> в баню. <...> В бане помогут, будто она чего-нибудь там наговорит, и он заспит.» (Роза Павловна Фатьянова, 1936 г. р., д. Нисогора)

«Если человек маленько тронется... тронется. То, значит, он сходит в баню. Хорошо распарится! Потом возьмёт в зУбы решето. А я — р-раз! по решету трягну! И у него как... как двинется... и станет на место. И лучше будет.» (Лилия Сергеевна Семёнова, 1932 г. р., с. Ценогора)

«Ну, вот, когда в бане моешься, короче, ну, я маленький в то время был, она меня все время водой поливает и говорит типа: “с гуся вода, че-то там, вся беда, там”. <А если рана?> че-то “ни жару, ни пару, ни синей опухоли”.» (Руслан Дерябин, 1989 г. р., д. Селище)

Взаимодействовать с метафизическими силами могут не только ритуальные специалисты, но и обычные люди, вернее, ритуальными

специалистами в бане могут стать практически все. В частности, девушки на святки или на Иванов день совершают в бане магические обряды.

«...вот нынче праздник был — Иван-день. Тоже, вишь, из бани выкидывали веники. Вот помоются и из бани-то выбросят. Потонет ли не потонет. Если потонет — умрет, ха-ха.» (Клавдия Андреевна Городова, 1933 г. р., д. Колмогора)

Баня также является тем местом, куда дух умершего возвращается после смерти. Таким образом, в бане можно пообщаться с теми, по ком тоскуешь, или позаботиться о своих ушедших родственниках, как заботился о них при жизни.

«У меня тоже, мама умерла, три года тому назад вот она.<...> (говорит о том, что мама очень любила баню) И вот кто-то как это... шаркается, шаркается. Я говорю: “Мама, видно, в баню хочется. Мама, иди, давай, мойся с нами. Баня жарко натоплено. Тебе жару дак хватит”. Да все. <...> Все не стала шаркаться. Потом на втору баню тоже также. <...> Ну вот я в субботу стала баню затапливать и сказала, буду это: “Мама, мойтесь там боле”, да все. И она у меня обиделась. Это в пятницу. Дак я баню не могла растопить. Не могла растопить и все. <...> Потом на второй день пришла, в баню зашла, говорю: “Мама, дак ты чо обижаешься-то? Ведь все так, это... чо я тебе такого сказала?”. Пришла да спичку чиркнул, да баня затопилась. <...> Но в то время-то она еще не очень дол... это, умерла. Немного времени-то прошло, дак. <нрзб> Душа где-то была еще <нрзб>» (Анна Арсентьевна Семёнова, 1954 г. р., д. Белощелье)

Большой интересе для нас представляют не только ритуальные и магические ситуации, но и просто нормы общения людей в бане. Сначала наше предположение состояло в том, что баня — место уединенное, а потому очень интимное. Но в ходе исследования мы меняли свою точку зрения. Исходя из наших интервью, можно отметить, что, в баню могут звать соседей или родственников, если «остался жар» и/или если они помогали топить баню (например, носили воду). В баню вдвоем могут пойти муж с женой, родители с детьми или подруги. Ситуация, когда в баню идет отец со взрослым сыном или братом, более редкая. Очень интересным для нас оказался один рассказ деревенского жителя о том, как его жена ходит в баню со своей подругой:

«ПС: С Галиной Николавной ходит, помогает.

РР: Да, потому что не может она сама мыться, помогаю.

<То есть с подругами ходят?>

РР: Да пожалуйста!

<А в баню когда ходят с кем-то, там разговаривают о чем-то?>

РР: Понятия не имею! Хошь — говорит, хошь — молчи!

ПС: Шипко разговорчива!

РР: Мы когда с Галькой, да и ругаемся в бане! Она чё-нибудь скажет, а я поперек, дак и..!» (Рима Ростиславовна Семенова, 1957 г. р., д. Вонга; Павел Савватьевич Семенов, 1960 г. р., д. Белощелье)

Из этого примера видно, что общение в условиях бани не является тайным. К тому же в деревне, как правило, хорошо известно, кто к кому и с кем ходит в баню, а приглашение в баню является жестом доверия и гостеприимства хозяев.

Другой пример описывает ситуацию коммуникации, не связанную с мытьем, и поэтому мы рассмотрим его отдельно.

«Дак это, вроде как тут один мужчина был, дак он знал, отца-то у меня позвал в байну, говорит: “Вот вишь, чё ли поминают тоже как раскулачиваньё”, дак. А мамка поехала через сельсовет: “Раскулачите, — а она с Палащелья, — да, я, говорит, уеду в Палащелье, чё я”. И так-то бедны, да ещё раскулачите, дак. Да, и как-то прошло, ничё. Не за чё ведь! Только передок один строили, построили, токо за то. А чё было раньше? Ничё ведь не было.» (Чалакова Анастасия Алексеевна, 1929 г. р., д. Белощелье)

Эта запись, единственная в своем роде, натолкнула нас на мысль, что баня в противовес избе, где и «стены слышат», согласно пословице, наоборот является настолько укромным местом, что только там мужчина смог предупредить соседа об опасности. Мы предполагаем, что во время, описываемое информанткой, бани в основном строились «по-черному», а соответственно — в отдалении от дома, у ручья или реки. Такое положение бани вполне оправдывает выбор именно этого места для тайного разговора.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть, что для деревенских жителей баня, с одной стороны, является местом обыденным и функционально удобным для мытья, родов, лечения, а с другой, представляет собой пространство символическое, пограничное, где можно взаимодействовать с духами, умершими родственниками или обратиться к метафизическим силам во время магических обрядов. В то же время все это влияет на восприятие бани как места укромного, таинственного и, может быть, даже опасного, связанного с общением с духами или обрядами перехода.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров, 2004 — *Бобров А. Г.* Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 56. С. 94–120.
- Бобров, 2013 — *Бобров А. Г.* Баня в древнерусской литературе // Девятая международная летняя школа по русской литературе. Статьи и материалы. СПб., 2013. С. 14–28.
- Геннеп, 1999 — *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М., 1999.
- Зеленин, 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной. М., 1991.
- Иванова, 2016 — *Иванова Л. Н.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.
- Криничная, 1995 — *Криничная Н. А.* «Сынове бани» (мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине» бани). Петрозаводск, 1995.
- Олсон, Адоньева, 2016 — *Олсон Л., Адоньева С. Б.* Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины / пер. с англ. А. Зиндер. М., 2016.
- Хотина, 2014 — *Хотина С. В.* Шутки, притворы и прочие глупости в свадебном ритуале Мезенского района Архангельской области // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: Филологический практикум / сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова. СПб, 2014. С. 269–274.